

Дискуссионный клуб

Президент Дональд Трамп-2025: ломка всех догм

Л. М. Григорьев

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*

Возврат к власти в США крупного бизнесмена Дональда Трампа, не связанного академическими догмами, базировался на лозунгах, созвучных традиционной Америке, — об ее экономическом и политическом превосходстве. Предыдущая либерально-прогрессистская догма Дж. Байдена не выдержала прямого столкновения с энергией Д. Трампа и оппонентов в условиях двухпартийной системы. Широкий охват торговых партнеров повышенными импортными пошлинами ставит США в ситуацию сложного эксперимента, когда происходит ломка привычных параметров (и догм) по вопросам конкуренции и воздействия на благосостояние потребителей в стране. Новый старый президент сохраняет действие ряда важных законов о промышленной политике, продолжает политику низких налогов на бизнес и снижения расходов на климатические программы (фактически догмы). Одновременно он предпринимает рискованную попытку повлиять на макроэкономические (бюджетный дефицит) и торгово-экономические параметры (снижение торгового дефицита, увеличение притока прямых инвестиций), сдвинуть налогообложение от доходов к потреблению, повысить торговые пошлины. К концу 2025 г. сложилось временное равновесие на тарифной арене в отношениях с Евросоюзом, отложен конфликт и идут трудные переговоры с Китаем. Ключевой инструмент долгосрочной внутренней экономической политики — «Один большой прекрасный билль» (One Big Beautiful Bill, OBVB) — был одобрен Конгрессом страны. Именно этот акт определит основные параметры ломки старой модели развития и наследия Трампа. Резкость шагов президента-республиканца отчасти обусловлена необходимостью сократить период радикальных сдвигов из-за приближения предвыборных кампаний 2026 и 2028 гг.

Ключевые слова: Трамп, неравенство, промышленная политика, торговые пошлины.

JEL: D72, E29, E61, E62, F02, F13, F32, H69, Z13.

Григорьев Леонид Маркович (lgrigor1@yandex.ru), к. э. н., ординарный проф., научный руководитель департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Введение: неизбежность Дональда Трампа как явления

Роль президента в США велика как по конституции, так и по традиции, учитывая огромное разнообразие интересов социальных групп, штатов и культурных кодов. Избранный президент является арбитром в выборе и нюансировке путей развития страны, он же выступает важнейшим двигателем новых реформ. Двухпартийная система США отражает сложную социальную конфигурацию населения, различные интересы бизнеса. Электорат США расколот по двум партийным коалициям, хотя со времен Ф. Д. Рузвельта их композиция, конкретные разногласия и «политический просвет» между сторонами постоянно меняются. Республиканцы исторически опирались на массовый бизнес, протестантов и значительную долю большого бизнеса, а демократы — на профсоюзы (и рабочие слои), интеллигенцию, национальные меньшинства и свой большой бизнес. Длительное время они располагали поддержкой белых южан, которые до поры могли ограничивать электоральные права афроамериканцев. В недавнем прошлом ведущими представителями меньшинств были ирландцы, итальянцы, а также потомки африканцев, насильственно вывезенных в страну еще рабами. Теперь это латиноамериканцы и по-прежнему афроамериканцы. Надо отдать должное элитам США — они сумели купировать конфликты в сложнейшей электоральной системе страны и сохранить действенность выборной системы в 2024 г.

Соответственно смена партий у власти, особенно президентов, определялась личностными факторами и программами, а не только общей ситуацией в стране и мире. Можно говорить об элитных основах партийных организмов в либеральной демократии: «Для осуществления масштабных инициатив и увековечения своей власти элитам необходима поддержка неэлитных слоев населения» (Higley, Burton, 2006. Р. 27; здесь и далее перевод мой. — Л. Г.). Но одномоментные события — выборы — имеют среднесрочные последствия, а широкие предвыборные коалиции опираются на разницу в интересах и взглядах граждан.

На политической арене США бизнесмен Дональд Трамп появился на фоне длительного влияния на американское общество двух ярких президентов-демократов: Билла Клинтона и Барака Обамы. При этом сыграли огромную роль распад СССР и усиление Китая. Цели устойчивого развития (ЦУР) ООН, особенно климатическая повестка, «триада» прогрессистской (по самоназванию) доктрины (климат — смена пола — роль меньшинств и мигрантов) доминировали. Президентство Дж. Буша-мл.—Дж. Байдена попыталось их закрепить. Это вызвало обратную реакцию в обществе и элитах. За двухпартийностью в США стоят элиты, сортирующие традиционные элементы программ, меняющие приоритеты и язык, но предположительно сохраняющие партийную принадлежность. Бизнес и политические группы делают деньги и карьеры в период пребывания у власти своего «крыла». Личности, амбиции, борьба за славу — все это воплощается в электоральных и президентских программах (в случае удачи на выборах).

Разумеется, двухпартийная система, которая поддерживает основы институционального устройства общества, конституцию и смену властей по воле избирателей, является общепризнанным благом. Но она зависит от соблюдения «правил игры» всеми сторонами и споров о текущей политике. Доминирование прогрессистов и демократов в университетах и СМИ, раскол общества по важным общественным вопросам в последние десятилетия начали выводить смену культурных кодов за пределы традиции. Рост влияния демократических СМИ и электората меньшинств поставили республиканцев в положение аутсайдеров (underdogs) после относительно успешных Клинтона и Обамы. Повестка дня в стране серьезно изменилась, и вопрос баланса между сторонниками программ, а также их партийными опорами стал зависеть от исхода выборов XXI в. Прогрессистская программа по вопросам о глобализации, поле и меньшинствах, абортах, мигрантах вышла на первый план, в том числе на законодательном уровне, превратившись, по сути, в систему новых догм. А демократы предприняли серьезные усилия с целью закрепиться у власти надолго и на всех уровнях. Явление Д. Трампа в качестве кандидата в президенты от республиканцев в 2016 г. выглядело личной инициативой амбициозного миллиардера. Истеблишмент партии встретил его без восторга, но у республиканцев не было иного шанса вернуться к власти иначе как с помощью яркой личности, резко контрастирующей с демократами. Проблемы, стоящие перед США, а в более широком плане — перед всем развитым миром, требуют больше времени, средств и координации, чем это признается в рамках ЦУР. Проблемы их невыполнимости и необходимости свободно выбирать пути развития (см.: Григорьев, 2025) оказались частью внутривнутриполитических дебатов в самой важной для реализации программ мирового развития стране.

Дональд Трамп пришел на политическую арену в условиях жесткой межпартийной конкуренции. И как теперь стало понятно, он справился с ролью лидера республиканцев и способствовал продвижению более традиционистской социальной программы. Республиканскую — точнее, трамповскую — программу мы считаем попыткой вернуться к традиционным американским ценностям с ломкой сложившейся модели развития страны. Мы попытаемся проанализировать причины, факторы и характеристики шагов президента США Д. Трампа в социально-экономической сфере, оставляя в стороне управленческие, правовые и внешнеполитические вопросы. За прошедший 2025 год истерически негативная реакция оппонентов (и пострадавших) на действия нового президента постепенно стала сменяться попытками оценить последствия его политики. Разумеется, быстрота и драматичность его решений исключают возможность точно прогнозировать их результаты. Тем важнее понимать мотивы, цели и средства его президентства. Заметим сразу, что устойчивость его программы во времени критически зависит от результатов выборов в Конгресс 2026 г. и президентских выборов 2028 г., что накладывает жесткие временные рамки как на средства реформ, так и на оценку их действенности и приемлемости для электората. Фигура Трампа как оппонента либерально-прогрессистской политики не одинока: похожие фигуры видны в Великобритании, Франции и т. д.

Становление Дональда Трампа

Политическая активность Д. Трампа — дважды президента США — пришлась на период кризиса глобализации. В условиях усугубления проблем глобального управления после мирового финансового кризиса 2008–2010 гг., возвышения Китая, неудач американских интервенций в Азии значительная часть элиты видела, что США испытывают сложности одновременно и в экономике, и во внутренней политике, и в международной сфере. Лозунг «Сделаем Америку снова великой» (Make America Great Again, MAGA) находил в первое президентство Трампа и находит сейчас отклик у значительной части американского общества и бизнеса (социальных слоев), которые не получили (или не видели их) ощутимых выгод от глобализации. В мире обострялись геополитические проблемы, росла угроза стагнации внутри страны, накапливалась негативная реакция части общества на чрезмерное принуждение населения к соблюдению «прогрессистских правил». Между тем объективное положение американской экономики к 2024 г. внезапно для наблюдателей оказалось значительно устойчивее, чем у ведущих «старых» развитых стран, на фоне горячих дебатов электорального года и слабой климатической программы (см.: Григорьев, Ляхова, 2025). Трамп шел на эти выборы, заручившись полной поддержкой ядра республиканцев и большинства традиционной Америки (см.: Bloodworth, 2024).

На фоне сложнейшей борьбы социальных групп, интересов, культурных предпочтений, внешнеполитических страстей на долю объективных экономических процессов выпадает огромная «базисная» роль. Действия властей, меры политики, реакция СМИ, мнения экспертов и голос народа во всех его проявлениях оказываются важны сами по себе и даже важнее, чем проблемы реальной экономики. От социально-политических факторов зависит исход демократических выборов, участники которых предположительно обладают сопоставимыми объемами информации. Разумеется, «правильность» ее понимания имеет партийную окраску, а характер последнего критически связан с образованием и социальным положением избирателей.

Учтем, что знания политиков и экономистов относительно и ограничены, а поведение семей и бизнеса, финансовых организаций далеко не полностью понятно и детерминировано. Нельзя обвинять крупный бизнес, власти и науку в дисбалансах, ценах и кризисах — это сложный процесс с массой акторов, принимающих самостоятельные решения. Политическая традиция и народная молва все равно приписывают неудачи и провалы в экономике политикам и экономическим властям, поэтому политика президентов оказывается под микроскопом участников событий и историков, включая внешние шоки и не подконтрольные властям действия множества акторов.

Особенность американской политической процедуры: победитель — президент — получает все или почти все. По замыслу отцов-основателей США, ограничения власти связаны со сдержками и противовесами (brakes and balances) и разделением властей. И все же в практическом отношении президент США получает настолько огромную персональ-

ную власть, в том числе при определении состава правительства, что характер его личности исключительно важен как при выборах, так и в управлении. Индивидуальная харизма, энергия и готовность действовать не ортодоксальным образом против сложившейся нормы входят в контраст с доминирующими элитами и не всегда, но создают пробивную силу. Мы должны учитывать усталость электората не только от фактического (например, стагнационного) состояния экономики и общества, но и от блеклых политиков, вызывающих ощущение бесперспективности политики, если не ее тупика. В таких — редких — случаях электорат может рискнуть и доверить мандат человеку, обещающему ломку догм в силу своих оригинальных взглядов.

За первый срок в качестве президента Трамп успел решить несколько важных проблем страны и партии, что сработало спустя годы, и не создал новых. Он снизил налоги с бизнеса в 2017 г., хотя результатом стали не столько инвестиции, сколько «бай-беки» (выкуп компаниями своих акций) и рост курсов акций. Этот шаг остался частью финансовой регламентной среды страны и скорее всего усилил приток инвестиций в США. Трамп начал загораживать южную границу от притока латиноамериканцев, но различные ограничения иммиграции типичны для истории страны. Мужское «испанское» население в 2024 г. впервые в истории проголосовало (в некотором большинстве) за республиканца, хотя он выступал за ограничение именно их иммиграции. Инфляции при нем в 2016–2020 гг. еще не было. Так что в первую каденцию он не сделал ничего сверхрадикального для экономики США, и его современная программа была в общем неожиданной.

В ходе своего первого срока президент Трамп сумел пополнить состав Верховного суда консерваторами, сдерживая прогрессистский уклон в стране. До выигрыша в 2020 г. ему не хватило очень немного. Пандемия COVID-19 — не его вина. А смена регламентов и модели голосования (резкий рост доли голосования по почте с 20 до 40%) в 2020 г. была неожиданностью для республиканцев и сыграла важную роль в исходе выборов. В 2016–2024 гг. многое было против Трампа. Но гораздо важнее, что американский электорат в 2024 г. принципиально простил ему все. Более того, при подавляющем численном превосходстве продемократических СМИ избирателям пришлось фактически обмануть опросные организации в плане своих намерений голосовать, до последнего оставляя надежду кандидату демократов. Это говорит о способности электората выйти из информационной зависимости и нанести неожиданный удар доминирующей идеологии.

Дональд Трамп немало претерпел на пути к власти, многое превозмог и сформировал идеологию MAGA. Долгие годы он находился в центре расследований и судебных процессов, которые многие американцы считают политически мотивированными. Но к 2024 г. Трамп сформировал обширную программу во многих областях. Крупному политику важно реализовать масштабную программу реформ. Президент, располагающий поддержкой всех звеньев верховной власти в стране, пытается использовать различные административные и правовые рычаги для достижения быстрых результатов. Напомним, что Верховный суд США отменил некоторые начинания президента Ф. Д. Рузвельта, но позднее

было признано, что это лишь пошло ему на пользу (см.: Григорьев, Астапович, 2021). И сейчас Верховный суд и другие суды могут не поддерживать те или иные шаги президента, но большая часть программы будет реализована. И только история покажет правоту принятых решений. Политика Трампа предложена электорату своей страны и элитам мира как преследующая национальные интересы. Одновременно она наносит сильный удар по сложившимся балансам в мировой экономике, что затрудняет адаптацию к меняющимся условиям мирового хозяйства.

Установка президента Трампа на величие США, продвижение консервативных ценностей (антипрогрессизм), конечно, связаны с постулатом о собственном величии. Напомним знаменитую формулировку, приписываемую Наполеону Бонапарту: «Кто спас свою страну, не может быть нарушителем законов» (He who saves his country, violates no law). Трамп намерен провести такой набор реформ во внутренней и внешней политике США, который будет признан выдающимся достижением, а он сам — Выдающимся Президентом.

Макроэкономика и промышленная политика

После мирового финансового кризиса 2008–2010 гг. и коронакризиса 2020 г. глобальные экономические процессы приобрели некоторые особенности (см.: Григорьев и др., 2022). Отметим общее замедление экономического роста и мировой торговли (хотя последняя оживилась в 2020–2024 гг.). Китай перешел к «новой нормали» с ростом 5–6%, но по-прежнему лидирует вместе с Индией по темпам прироста ВВП в мире (см.: Григорьев, Жаронкина, 2024). ЦУР реализуются с большим трудом, и «Повестка 2030» вряд ли будет выполнена. Значительно замедлился рост в Германии и Евросоюзе (см.: Григорьев, Ляхова, 2025). Но, как видно из данных таблицы 1, темпы роста стран в общем остаются в рамках длительного тренда. У США много социально-

Т а б л и ц а 1

Душевой ВВП по ППС и среднегодовой темп прироста ВВП в ряде стран, 2000–2023 гг.

Страна	ВВП на душу населения, тыс. долл.		Темп прироста ВВП, %	
	2011	2024	2000–2011	2011–2023
США	60,3	75,5	0,83	1,68
Великобритания	48,9	52,5	0,80	0,85
Германия	57,7	62,8	1,35	0,59
Франция	51,3	54,5	0,69	0,61
ЕС	41,2	54,3	1,28	1,22
Япония	41,2	46,1	0,45	0,97
Россия	34,8	41,7	5,02	1,12
Китай	11,2	23,8	9,83	5,85
Бразилия	18,3	19,6	2,59	0,09
Индия	5,3	9,8	4,95	4,74
Индонезия	9,4	14,5	3,95	3,45

Источники: составлено автором по данным Всемирного банка и МВФ, 2025.

экономических проблем, но объективно страна не находится в упадке, а ее проблемы преувеличивают в ходе предвыборной пропаганды.

США остаются одним из двух экономических гигантов мира, страной, создавшей инновационную систему, которая обеспечивает интенсивные научные разработки и их применение в экономике (см.: Иванова, 2002). Мощь вооруженных сил США сомнений не вызывает, хотя уже не является подавляющей визави РФ и Китая.

Евросоюз недавно осознал, что он проигрывает конкуренцию США, и опубликовал доклад М. Драги, в котором говорится о серьезном отставании от США в области инноваций, о проблемах с чрезмерным регулированием, бюрократией и т. п. (см.: Draghi, 2024). Возникает естественный вопрос: почему такой отклик в электорате получил лозунг Трампа «Сделаем Америку снова великой»? Если показатели экономического роста, занятости и инфляции не находятся в очень плохом состоянии, то дебаты переходят к другой группе реальных проблем: бюджетный и торговый дефицит, государственный долг и деиндустриализация (низкая доля занятых в промышленности, импорт товаров и проч.). Но указанный лозунг имеет и экономическое значение: в частности, ряд намерений нового президента затрагивает проблемы экономики и мировой торговли. Действительно, что проблемно в экономике США? Темпы роста государственного долга США ускорились, отметку 34 трлн долл. он преодолел 3 января 2024 г., долг продолжал расти и дальше. ВВП за 2024 г. составил 29,2 трлн долл. при долге США 35,5 трлн долл. В результате отношение долга к ВВП достигло 122% (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Дисбалансы и государственный долг США

Показатель	2010	2016	2020	2021	2022	2023	2024
Номинальный ВВП, трлн долл.	15,0	18,8	21,4	23,7	26,1	27,7	29,2
Долг номинальный, трлн долл.	13,6	19,6	27,0	28,4	30,9	33,2	35,5
Долг, в % к ВВП	90	104	126	120	118	120	122
Экспорт товарный, трлн долл.	1,3	1,5	1,4	1,8	2,1	2,0	2,1
Импорт товарный, трлн долл.	2,0	2,2	2,3	2,8	3,3	3,1	3,4
Торговый баланс, % к ВВП	-3,5	-2,7	-2,9	-3,6	-3,7	-2,9	-3,1
Бюджетный дефицит, % ВВП	-8,6	-3,1	-14,7	-11,7	-5,3	-6,1	-6,2

Источники: World Bank, Statista, FRED, ERP-2025 (табл. В-3, В-51).

С точки зрения прогресса в динамике ВВП, доле услуг, занятости, в развитии инноваций, университетов и финансового сектора все выглядит благополучно. Но есть ряд экономических параметров, которые стали в современном мире обычными, но воспринимаются в США как проблема. Речь идет, например, о низкой доле занятости в обрабатывающей промышленности — лишь 10%. Это намного меньше, чем в Германии, Китае и России (более 25%). Импорт потребительских и промежуточных товаров в такой экономике, естественно, зависит от высокого уровня внутреннего потребления.

Вопрос о реиндустриализации связан с огромными капиталовложениями и предполагает конкурентоспособность продукции визави

Германии и Китая. Наглядный пример конкуренции с точки зрения эффективности производства — импорт металлов и автомобилей. Во многих отраслях доля, например, китайского экспорта в американском импорте очень велика. В этих цепочках производства импортные товары обеспечивают или основу низких издержек, или относительную дешевизну потребительских товаров (см.: Жаронкина, 2025).

Несколько законов либеральной эпохи Байдена вписываются в новые времена. Промышленная политика активно реализовывалась и тогда: субсидирование исследований в области сланцевых углеводородов, развитие инфраструктуры (IIJA — принят на двухпартийной основе) и борьба с инфляцией (IRA; см.: Григорьев, 2024. С. 20). Второй закон вызвал сложную реакцию у Евросоюза и Китая — они посчитали его протекционистским. При новой администрации под угрозой находится закон о чипах («Ships — not Chips»).

Е. Хейфец (2024) и М. Есаян (2024) показали, что федеральная климатическая политика в США не носит интенсивного характера, она стала уделом штатов-добровольцев (типа Калифорнии). Второй выход США из Рамочной конвенции Парижского соглашения по климату 2015 г. влияет на прикладные аспекты внутренней политики, и, видимо, США «сэкономят» на этом более 1 трлн долл. (см.: Dlouhy, 2025). Страна развязывает себе руки для разработки месторождений углеводородов как для потребления и экспорта, так и для поддержки прореспубликанских штатов и бизнеса. Сокращается финансирование «зеленых» программ за рубежом. Внутри страны часть средств высвободится для иных вложений, но торможение реализации климатических программ сократит инвестиции в «зеленую» энергетику по широкому кругу отраслей.

Важный аспект американской позиции в мире — использование больших объемов зарубежного капитала, притекающего в страну с низкими налогами, защищенными правами собственности (во всяком случае, для союзников) и огромным финансовым рынком. После мирового кризиса 2008–2010 гг. США получили гигантские вливания капитала, в частности из Евросоюза. Средства приходили в разной форме, особенно на финансовые рынки в виде покупки акций и облигаций (см.: Меджидова, 2024). Заметим, что аналогичная по сути глава появилась в Отчете Президента США Конгрессу в январе 2025 г. (см.: ERP, 2025).

С точки зрения логики трансграничных финансовых потоков можно выделить главный эффект, на который, видимо, надеется нынешняя администрация: сдвиг перелива капитала в США с портфельной формы (особенно долговой) к прямым вложениям. Пошлины исчезают при переносе производства в США, на что надо найти не только средства, но и рабочую силу. Вычитаемые из подоходных налогов семей проценты по кредиту на покупку отечественных автомобилей при 100%-ных налогах на китайский автоимпорт могут привести к успеху (и обходным схемам!). Разумеется, формирование нового потока прямых инвестиций займет немало времени (годы) с учетом необходимости иметь не только финансирование, но и проекты, рабочую силу, оборудование и проч., и выходит за пределы ближайшего электорального горизонта 2026 г.

Процесс получения доходов от дополнительных импортных пошлин может воздействовать на экономику США по разным каналам.

Основная разница будет между структурными монополиями, то есть рынками, на которых нет серьезного внутреннего конкурента импортным товарам, и конкурентными рынками. На первых можно ожидать роста инфляции по одним товарам, на вторых — абсорбции убытков компаниями. Дискуссия политиков об эффектах программы Трампа неизбежно носит политизированный характер. Во-первых, идеологическая и политическая предвзятость — плохой научный консультант. Во-вторых, очень много политических, социальных и деловых агентов в США и в мире пострадали от действий администрации президента Трампа. В-третьих, нужно иметь точную конфиденциальную информацию о структуре издержек производства товаров по каждому рынку. И, наконец, в-четвертых, невозможно предсказать поведение стран и фирм-экспортеров, которые находятся в неодинаковом финансовом положении и в разной степени зависят от американского рынка.

При анализе американских дисбалансов нужно исходить из трех подходов: их объективный (относительный) размер; практические вопросы обслуживания долгов и воздействия на балансы у экономистов; дискуссия политиков и журналистов о гибельности долгов и дисбалансов, доходящая время от времени (обычно перед выборами) до истерик. Новый предлагаемый режим инициирует встряску мировой торговли и финансовых потоков в таких масштабах, которые, пожалуй, в истории последнего полувека еще не встречались. Сейчас США покупают на 1 трлн долл. товаров (3 трлн импорт — 2 трлн экспорт, без услуг) больше, чем продают, — отказ от такого рынка был бы крайне болезненным для производителей-экспортеров, которых обложили новыми высокими импортными пошлинами в США.

Ломка недавних макроэкономических догм и торговой политики не вызывала бы таких дебатов и опасений в мире, если бы это не были США, одна из крупнейших стран, сверхдержава и критически важный гигантский потребитель и чистый импортер для остального мира. По состоянию на осень 2025 г. непосредственный эффект действий администрации президента США в экономической сфере не привел к ожидавшимся катастрофическим последствиям. Предположения об ответных действиях Евросоюза частично оправдались (см.: Клинова, Кондратьев, 2025). Но негативные прогнозы переносятся на будущее. Надо сознавать, что идет драматический эксперимент, меняются взаимосвязи между экономическим ростом, потоками товаров и капиталов, бюджетными параметрами. Это займет годы и предполагает стабильность политики на несколько электоральных циклов, что еще больше обострит борьбу на выборах 2026 и 2028 гг.

Конфликт двух систем культурных кодов: «традиционная Америка» vs. «прогрессистская Америка»

Проблему электоральной структуры обычно рассматривают в экономических работах как внешнюю. Однако вопросы законодательства, субсидий, экономических приоритетов правительств ведущих держав важны как для развития самих стран, так и для мировой

торговли, взаимоотношений с контрагентами. Структура населения США складывалась с XVII в. Этнический состав общества есть и результат правила: дать иммигрантам время «свариться в плавильном котле» (melting pot)! Иммиграционная политика в США — это не только фактор демографии и рынка труда, она направлена на интеграцию и воспроизводство электорального корпуса.

Состав населения страны в последние десятилетия меняется под воздействием волнообразного притока иммигрантов из Латинской Америки — вопрос в том, «в чьих партийных интересах» они мигрируют. Американское общество способно абсорбировать их, размещая до 2 млн приезжих в год по разным штатам. Массовая иммиграция латиноамериканцев означает уход из обществ со стагнирующей экономикой и социальной нестабильностью. Латино входят в трудовые и социальные слои американского общества, в которых они имеют некоторые преимущества перед афроамериканскими слоями (более стабильные семьи, религия, образование). В последние десятилетия иммигранты из Мексики и ряда стран Латинской Америки отдавали предпочтение программам демократов, и до последних выборов республиканцы рассматривали их как прямую угрозу своему положению. Демографические процессы стали влиять на структуру избираемых представителей не только в штатах с высокой долей латиноамериканцев, но и на национальном уровне. Попытаемся выяснить, какие социально-демографические группы поддержали кандидатуру Трампа и каковы движущие силы антипрогрессистских реформ — нового экономического эксперимента.

Мировой опыт показывает, что сближение общественных слоев и этнических групп идет медленно, но в основном вместе с общим ростом. Мы уже отмечали, что президенту Байдену, победившему голосами небогатого населения и меньшинств, будет трудно успеть сделать что-то заметное в интересах своей электоральной базы (см.: Григорьев, Григорьева, 2021). Не вдаваясь в подробный разбор огромной литературы, сошлемся на проф. Я. Фурмана, который был главой Совета экономических консультантов при президенте Обаме в 2013–2017 гг. Он показывает контраст политики Байдена с неolibеральной традицией партии демократов с 1990-х годов (уважение к рынкам, торговый либерализм, высокая социальная защита и отказ от промышленной политики): команда Байдена повысила расходы, реорганизовала ряд отраслей, проводила климатическую политику, осуществляла общественные инвестиции, несмотря на неизбежный бюджетный дефицит, что даже называли «Байденомикой» (см.: Fgurman, 2025). Так что нельзя приписать одному Трампу намерение активно использовать меры промышленной политики вместо «чистого» либерализма предшественника.

Главными факторами победы республиканского кандидата в 2024 г. стали мобилизация Трампом и его партией своего традиционного электората и успешное привлечение на свою сторону мужчин латиноамериканского происхождения: в 2020 г. его поддержали лишь 36%, а в 2024 г. — 54% латино¹, то есть прирост составил 18 п. п. При весе группы в электо-

¹ <https://www.nbcnews.com/politics/2020-elections/exit-polls/>; <https://www.nbcnews.com/politics/2024-elections/exit-polls?amp=1>

ральных опросах 6% значение «передвижников» превышает 1 п. п. всех голосовавших, что близко к половине общего перевеса в пользу Трампа. Не исключено, что верна гипотеза о тенденции мужчин-латиноамериканцев по мере их адаптации к жизни в США сдвигаться к республиканцам. Повышение статуса, активное малое предпринимательство социально и психологически приближают эту категорию иммигрантов к «Великой старой партии». Кроме того, характер такого голосования латино граждан может отражать «эффект трамвая» применительно к иммиграции: «Мы уже внутри — можно закрывать двери». Вопрос в том, насколько эта тенденция окажется устойчивой в будущем.

Получила подтверждение традиционная опора демократов в городах на небогатое население, меньшинства и университеты. Специальный опрос показал, что профессора по сумме специальностей поддерживали в 2015 г. республиканцев лишь на 5%. Профессура антропологии и коммуникаций на 100% за демократов, а экономисты — только на 83,6%, тогда можно ожидать, что они соответствующим образом влияют на позиции, которые занимают эксперты из академической (и консалтинговой) среды (см.: Langbert, 2018). Это важный момент: университеты поддерживают демократов и, видимо, их воспроизводят как в широком, так, возможно, и в партийном смысле слова. Профессора во многом определяют и характер дискуссии в СМИ и консалтинге по партийным программам.

Раскол в американском обществе носит специфический характер. Разумеется, на уровне элит и наиболее состоятельных кругов мы видим определенное равновесие численности голосующих с высоким доходом. Олигархи колеблются вместе с линией власти. Голливуд, похоже, непоколебимо «прогрессивен». Города, в которых доминируют университеты и бедняцкие районы, также со значительным перевесом голосуют за демократов. Выражение «сельская Америка за республиканцев» не точно отражает реальную ситуацию: богатые республиканские пригороды оказываются «сельскими» и смещают точность определений.

Отсутствует драматический раскол по линиям доходов, что, правда, относится к категориям белых и азиатов. Медианный доход семей белых устойчиво выше (примерно на 20 тыс. долл. в год), а афроамериканских — ниже (на 10 тыс. долл.) уровня доходов латино. Эти разрывы устойчивы во времени при постепенном повышении общего уровня дохода. Можно предположить, что высокодоходные группы меньшинств вносят вклад в группы высокодоходных сторонников демократов (как и представители меньшинств со степенью колледжа) (см.: Петровская, 2024). Демографические и доходные характеристики у двух партий довольно близкие. Правда, относительно бедные слои с низким образованием поддерживают республиканцев. Вопреки обобщающим оценкам СМИ, при ближайшем рассмотрении в своем большинстве белые женщины в целом и белые образованные мужчины, оказалось, голосовали за Трампа.

На наш взгляд, ряд важных социальных характеристик также дает «две неодинаковые Америки», хотя общий разрыв на выборах очень мал. Одна Америка более или менее консолидированная «старая» (традиционная) — республиканская. В ней больше женатых, ветеранов армии, протестантов и католиков, а теперь и мужчин латино. За демократов стоит подавляющее большинство афроамериканских и латиноамериканских

женщин, а также других меньшинств. Заметны предпочтения в пользу демократов образованных представителей национальных меньшинств.

Англосаксонское неравенство при сильных вертикальных лифтах может рассматриваться как один из факторов высоких долгосрочных темпов экономического роста. Но сочетание неравенства и шанса на успех, безусловно, является развилкой для каждого поколения небогатых белых, масс иммигрантов, меньшинств: это социальная болезнь или американская мечта? В практическом — электоральном — плане самые бедные и самые богатые группы дали преимущество демократам, как и меньшинства. Но белая Америка, ветераны армии (вдвое), верующие христиане (вдвое и больше), лица, состоящие в браке, мужчины латино образовали, можно сказать, «коалицию Дональда Трампа»². За него голосовали группы, которых волнует состояние экономики, мировая политика и миграция; а против — те, для кого главная проблема — аборт и состояние демократии. Эти параметры складывались длительное время и резко меняются под влиянием шоков. Трамп оказался в нужное время в нужных выборах, чтобы оказать сопротивление доминированию прогрессистской программы в СМИ и на законодательном уровне.

На первый взгляд, опросы электората США выглядят элементом внутренней политики и социальной психологии отдельной страны. На самом деле мнения этих избирателей определяют выбор президента США и ключевых элементов социально-экономической, финансовой и торговой политики ведущей страны мира, которая навязывает другим государствам определенный тип действий и поведения. Продолжительность и успех макроэкономической, торговой, финансовой и экологической политики Д. Трампа и во многом мира в целом в ближайшие электоральные циклы будет определяться голосами различных групп избирателей (возможно, меньшинств и бедняков) в нескольких штатах одной страны — США.

Наследие Дональда Трампа: предварительные отдаленные эффекты от его решений в экономике США и мира

Наследие Д. Трампа, в отличие от многих политиков, будет носить институциональный характер в США и ряде международных организаций (ВОЗ и т. д.). Пример его антипрогрессистских действий может вызвать имитацию в некоторых странах ЕС, где правые партии по многим параметрам близки к республиканцам. Соответственно две партии США отстаивают различные картины мира, по-разному видят причины проблем страны и направления ее развития.

Речь президента Трампа в Конгрессе США 4 марта 2025 г. (через 92 года после инаугурации Ф. Д. Рузвельта в 1933 г.) войдет в историю как радикальное изложение программы подъема американской экономики в условиях обострившейся мировой конкуренции. Он готов открыто принять меры промышленной и торговой (протекционизм и не только), финансовой (налоговой и не только) политики для достижения

---

² NBC News. National exit polls, 2024. (см. сноски 1).

быстрых изменений в пользу США. Президент рассчитывает сократить дефицит федерального бюджета и торгового баланса, обеспечить перенос промышленного производства на территорию США, применяя для этого различные средства «внезапного принуждения».

Провести столь радикальные реформы путем дебатов, переговоров и компромиссов внутри страны и на международной арене практически нереально. По большинству наиболее ярких пунктов программы Трампа расхождение интересов сторон слишком велико, а электоральные сроки слишком малы, чтобы реформатор мог рассчитывать на успех в режиме согласованных изменений. Так что действия президента направлены на то, чтобы подтолкнуть контрагентов и противников к кооперации в рамках его программы, создавая эффект шока и неотвратимости будущих изменений. Действующая модель американского развития, базирующаяся на интенсивном научно-техническом прогрессе, притоке мигрантов и финансового капитала, но с большим дефицитом торгового баланса по товарам и значительным бюджетным дефицитом, доказала свою жизнеспособность за последние десятилетия. Это удобно экспортерам — особенно Китаю и Германии.

Параметры данной модели оказались настолько устойчивыми, что попытка президента США изменить структуру налогообложения и перенести фокус с доходов на потребление вызвала обвинения в подрыве нормальной экономики. Но характер критики постепенно сместился на подчеркивание угроз и рисков в будущем. Использование методов промышленной политики, торговых и иных субсидий, по данным МВФ, растет — отметим, например, нетарифную защиту рынков ЕС. Но резкое изменение условий торговли главным импортером мира вызывает неприятие пострадавших. Приспособление к новой ситуации не будет легким и мгновенным, но, видимо, обойдется без большой торговой войны типа той, которую вызвал закон Хоули — Смута (март 1930 г.). Во всяком случае, Евросоюз в 2025 г. был вынужден согласиться с повышением торговых пошлин (кстати, и с изменением курса доллара к евро).

Бюджетная экономия и госаппарат — реорганизация партийного доминирования демократов в госструктурах в пользу республиканской партии и ее сторонников. Сокращение штатов ряда ведомств, вызвавшее бурные споры, создает неопределенность на рынке труда госслужащих. Это первая значительная попытка остановить расширение бюрократии, первое идейное сжатие госаппарата, так что важно не столько сэкономить миллиарды долларов, сколько изменить перспективы сторонников демократической партии. Тысячи госслужащих оказались за рамками ранее надежной карьеры, причем часть из них действовала когда-то против Трампа и его сторонников.

Возможный эффект на действия правых партий в Европе стал бы важным фактором в глобальной борьбе культурных кодов. Примером могут быть ослабления требований по отчетности европейских компаний, вводимые Брюсселем прямо сейчас (пока это эффект доклада Драги 2024 г.) с целью снизить регулятивную нагрузку по сравнению с компаниями США.

Экономия на «мягкой силе». Сюда следует отнести огромную систему USAID, которая играет роль проводника «мягкой силы» аме-

риканской внешней политики в развивающихся странах и странах с формирующимся рынком. Систему грантов, проектов, поддержки различных аналитических центров и СМИ обычно критикуют многие правительства, опасаящиеся неформального влияния на внутренние дела и политические (электоральные) процессы. Финансирование различных общественных сил за рубежом стало, по-видимому, заманчивой, хорошо оплачиваемой карьерой для различных групп — дипломатов, профессуры, журналистов. Временный паралич активности Агентства, реорганизация и сокращение финансирования будут иметь определенное значение как для американского рынка труда, так и для устойчивости перспектив внешнего финансирования различных НПО во многих странах. При этом военные расходы увеличиваются, и, по-видимому, укрепляется вера в потенциал «жесткой силы».

Республиканская налоговая реформа 2017 г. не вызвала бума инвестиций, но поддержала биржевые курсы и стимулировала приток капитала из-за рубежа (см.: Меджидова, 2024). Ко Дню независимости 2025 г. президент сумел провести в Конгрессе свой важнейший «Один большой прекрасный билль» (ОБВВ). Сокращение налогов, даже не слишком радикальное, противоречит попытке быстро сбалансировать бюджет. Но следует иметь в виду и большое символическое значение выполнения предвыборных обещаний. Снижение налогов администрация рассчитывает компенсировать сокращением расходов и повышением импортных пошлин. Вероятнее всего, именно ОБВВ и его воздействие на экономику страны и мира определяют — наряду с мировой торговой перестройкой — наследие Д. Трампа в социально-экономической сфере. Мы, естественно, не можем дать здесь развернутый анализ ОБВВ и его долгосрочных последствий. Но в сжатом виде это сделано в экспресс-выпуске «Tax Foundation», который показывает сложное и разнонаправленное воздействие Акта на бюджетную и экономическую ситуацию в стране. Критики дают неоднозначную оценку его последствий для экономического роста на базе современных моделей и имеющейся информации: в долгосрочном плане можно ожидать повышения процентных ставок, но в 2025–2027 гг. рост ВВП увеличится примерно на 1 п. п. (см.: Bunn et al., 2025).

Журнал «Экономист» откликнулся на принятие Акта резкой критикой (см.: The Economist, 2025). Консерваторы из CATO Institute сетуют, что он оставляет лазейки для «зеленых» субсидий и увеличивает бюджетный дефицит (см.: Michael, 2025). По нашему мнению, такие оценки скорее стимулируют республиканскую администрацию к решительным мерам, чем запугивают ее последствиями за рамками президентских выборов 2028 г. Параллельно администрация действует на уровне компаний таким образом, что это вызвало негативную реакцию Дж. Стиглица (Stiglitz, 2025). Президент Трамп взял этот риск на себя, но выполнил обещания претендента.

Проблема роста и дефицита в стране от введения дополнительных пошлин на многие импортные товары в принципе поддается модельным расчетам при фиксации условий. Управление Конгресса США по бюджету в ноябре 2025 г. пришло к выводу, что дополнительные доходы от пошлин не перекроют в долгосрочном плане сокращение

доходов бюджета по ОБВВ (см.: Flatley, 2025). В условиях умеренных цен на нефть и дополнительной добычи в ОПЕК угроза инфляционного давления, возможно, не столь сильная. Всегда есть риск роста инфляции при перегреве экономики или различных шоках. Но в 2026 г. сравнительно небольшой дополнительный рост цен означает сохранение ее динамики ниже уровня 2022–2024 гг. Это позволяет президенту подталкивать ФРС к снижению процентных ставок. События более отдаленные могут не сыграть важной роли на предстоящих выборах.

Макроэкономика и торговая политика также тесно связаны. Президент США рассматривает сочетание двух больших дисбалансов — бюджетного и торгового — как опасное в долгосрочном плане. Китайско-американская торговая война в первый срок Трампа не решила проблему выравнивания торговых дисбалансов (у Китая перевес в 300 млрд долл.). Напомним, что китайский экспорт в США играет двоякую роль во внутренней экономике: конкуренции и снабжения. Разумеется, рост экспорта электромобилей из Китая — традиционная угроза извне для американских компаний (и занятости), вызывавшая ограничения на импорт японских автомобилей десятилетия назад. Но по широкому кругу товаров китайский экспорт в США — это относительно дешевые поставки потребительских товаров и компонентов. Не забудем полную противоположность двух стран по ключевому параметру — доле личного потребления в ВВП: почти 70% у США и около 40% у Китая. В течение десятилетий в мире действовала весьма выгодная сделка: быстрое развитие в Китае — и высокое личное потребление и дешевые промышленные компоненты в США (см.: Жаронкина, 2025). За первое полугодие 2025 г. курс доллара к основным валютам снизился на 10%, что воспринимается как угроза рынку облигаций в США, поскольку обесценивает вложения иностранных держателей в национальных валютах. Рост конкурентоспособности американского экспорта может не дать значительного эффекта в силу структурных особенностей импорта и торгового дефицита.

Симбиоз двух крупнейших экономик мира во многом обеспечен тем, что США смогли — в своих интересах — использовать китайское производство как устойчивую часть снабжения по доступным ценам, которое стало структурно встроенным импортом. Импорт электромобилей из Китая уже ограничен пошлинами. Контрмеры Китая (по редким металлам) направлены на демонстрацию равноправия сторон. А сам импорт Китая во многом состоит из аграрных продуктов США, поэтому импортер не заинтересован в удорожании импортных кормов за счет пошлин (с отрицательным влиянием на инфляцию). Комплекс мер по торможению автоэкспорта из Евросоюза может ухудшить и без того сложную ситуацию в его экономике. Высокие пошлины на экспорт капитала из ЕС в США способны его снизить, но вряд ли портфельные вложения за океан быстро превратятся в прямые инвестиции в обрабатывающую промышленность США (как, впрочем, и в ЕС).

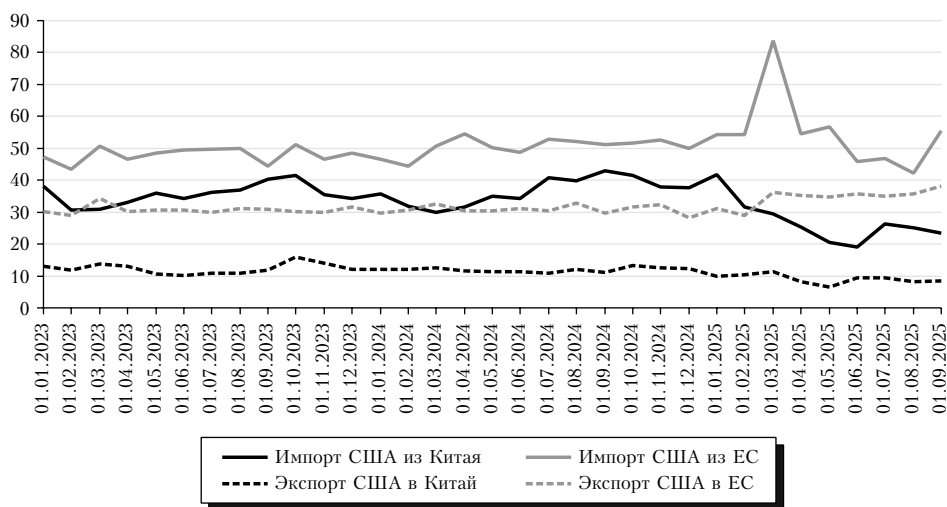
Наиболее опасной для мира выглядит угроза продолжения торговых конфликтов и последовательного повышения торговых пошлин. Мы уже упоминали закон Хоули—Смута 1930 г., с помощью которого США перенесли свой кризис в мировую экономику, а торговые войны

снизили объем мировой торговли с 36 млрд до 12 млрд долл. за три года. Угроза подобного развития событий существует, и администрация Трампа в общем смогла предупредить спиральное развитие ответных мер за счет комбинации угроз еще большего повышения пошлин и заключения соглашений с Великобританией и Китаем.

Широкие возможности для анализа рисков возникают, разумеется, в отношениях между Евросоюзом и США. Трудно даже представить себе нечто более неудобное для европейских элит, чем действия президента Трампа буквально во всех областях — от внутренней климатической и гендерной политики до геополитики и торговли. Отношения между США и соседями — Канадой и Мексикой — настолько переплетены и обусловлены договорами и взаимными выгодами, что пока нужно подождать с анализом экономических последствий взаимных торговых претензий. Реакция экспортеров на американский рынок была прагматичной — резкий рост ввоза товаров в I кв. 2025 г. до ввода санкций. Это привело — через увеличение размера отрицательного чистого импорта — даже к статистическому замедлению роста ВВП США в этом квартале. Динамика мировой торговли в 2025 г. несколько выросла, но МВФ ожидает сокращения ее прироста в 2026 г. Однако рост ВВП в США остается выше 3% против немногим больше 1% в зоне евро. Для Китая прогнозируют снижение прироста в 2026 г. до 4,2%, но это все равно выше динамики развитых стран (см.: IMF, 2025. Table 1.1).

Торговые потрясения 2025 г. не вызвали кризиса мировой торговли (см. рисунок). Превентивный завоз экспорта из ЕС в США в начале 2025 г. выглядит несколько истерично, но потом заметна адаптация торговли к новым пошлинам, что потребует серьезного анализа по товарным группам и на микроуровне. Перестройка мировой экономики уже началась: несколько сократившийся импорт США будет сначала

Торговля США с ЕС и Китаем, 2023 — осень 2025 г.
(месячные объемы, млрд долл.)

Источник: U.S. Census Bureau.

Рис.

проблемой экспортеров, а потом может привести к меньшему притоку капиталов в США. Реиндустриализация — дело долгое, а сбалансировать бюджеты в современных условиях мало кому удавалось. Но, как считает Р. Далио, новая политика Трампа не лишена оснований — это часть процесса изменения мирового порядка во многих аспектах, а не просто вопрос об импортных пошлинах (см.: Dalio, 2025).

Наследие Дональда Трампа сейчас формируется и реализуется через акты президента, потом войдет в практические проекты и законы. Его пример воздействует на остальной мир и провоцирует попытки контрагентов — Китая, ЕС и России — просчитать отдаленные последствия и необходимые действия. Но главное: президенту нужны и успехи, и — что еще важнее — закрепление полученных на недавних выборах позиций и преимуществ. В частности, ему требуется бюджетный выигрыш без роста инфляции и ущерба для благосостояния важных внутриполитических игроков: отраслей, штатов, социальных слоев, меньшинств, особенно латиноамериканского происхождения. Экономика, и своя, и мировая, по расчетам республиканцев, должна адаптироваться к задачам президента и помочь создать процветание, которого — по его словам — не было 100 лет. Текущая экономическая ситуация в США выглядит устойчивой по инфляции и безработице, особенно на фоне Евросоюза. Во всяком случае, ФРС снизила ставку, а воздействие новой ситуации на мировых рынках на экономику США точному прогнозу пока не поддается.

Заключение

Задача администрации президента: провести все радикальные меры в начале срока так, чтобы выйти на позитивные результаты осенью 2025 — весной 2026 г. — к следующим выборам. Борьба за наследие Трампа в области традиционной против прогрессистской программы демократов, изменений в отношениях с Евросоюзом (и с НАТО) и в характере промышленной политики уже идет и может стать содержанием политики в США больше, чем на один президентский срок.

В последнее время экономика США выглядит более здоровой, чем Евросоюза или многих развивающихся стран. Она решила проблему энергетической независимости, притягивает массы рабочей силы и капиталов. У нее есть конкурентные вызовы со стороны Китая, которым пытаются противостоять с помощью специальных ограничений и тарифов. В среднесрочном плане практически нельзя исправить недостатки индустриализации или смягчить остроту проблем неравномерности развития и социального неравенства, но создавать ощущение прогресса необходимо. Президент сейчас опирается на три уровня власти и имеет трехлетний горизонт. Действия администрации Трампа направлены как на обеспечение его личного успеха во внутренней и внешней политике, так и на поддержание устойчивости республиканской партии в обозримом будущем. Помимо конкретных успехов, администрация нуждается в укреплении своих позиций с выходом на выборы 2026 и 2028 гг. Успех в фазе экономического роста в ближайшие годы возможен, а основной риск, по существу, связан с гибридной конфликт-

ной торгово-тарифной (и соответственно финансовой) перестройкой мирового хозяйства, хотя войны II квартала 2025 г. удалось избежать.

По сути, Трамп спешит осуществить свои радикальные нововведения по всем фронтам внутренних реформ и внешнеэкономических и внешнеполитических отношений. Падение курса доллара, тарифные конфликты и компромиссы, споры с судами по многим вопросам внутри страны, трения с союзниками в Европе — всему надо дать шанс реализоваться быстро. И от шоков, спадов, конфликтов весны 2025 г. нужно выйти на стабилизацию, компромиссы и улучшение настроений избирателей. Успешность ломки экономических догм выразится в более высокой доле прямых инвестиций, в меньшем торговом дефиците. Намного сложнее обстоит дело с тенденцией роста бюджетного дефицита и государственного долга: на фоне поддержания социальных и повышения военных расходов и трат на промышленную политику дефицит и долг станут важной заботой администрации.

Трансакционные издержки встряски Трампом мировой торговли не остановили ее. Катастрофические предсказания аналитиков и СМИ о судьбе США и мира постепенно сменились обсуждением причин устойчивости американской и мировой экономики с надеждой на кризис в будущем у политических оппонентов. До выборов еще есть время для политических маневров, бизнес быстро адаптируется к ответам партнеров и конкурентов. В США уже начинаются как предвыборная кампания 2026 г., так и долгосрочная политическая борьба за наследие Дональда Трампа вперед лет на восемь (еще два президентских срока), а то и больше.

Список литературы / References

- Григорьев Л. М. (2024). Ключевые проблемы долгосрочного роста американской экономики // Современная мировая экономика. Т. 2, № 3. С. 8–26. [Grigoryev L. M. (2024). Key issues in the long-term growth of the US economy. *Contemporary World Economy*, Vol. 2, No. 3, pp. 8–26.] <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-8-26>
- Григорьев Л. М. (2025). Мир прощается с утопиями — пора переписывать теории развития // Вестник МГУ. Серия 6. Экономика. Т. 60, № 4. С. 176–205. [Grigoryev L. M. (2025). The world bids farewell to Utopias: Time to reconsider development theories. *Lomonosov Economics Journal*, Vol. 60, No. 4, pp. 176–205. (In Russian).] <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-60-4-10>
- Григорьев Л. М., Астапович А. З. (2021). От Великой депрессии к системным реформам // Россия в глобальной политике. Т. 19, № 1. С. 104–119. [Grigoryev L. M., Astapovich A. Z. (2021). From the Great Depression to systemic reforms. *Russia in Global Affairs*, Vol. 19, No. 1, pp. 104–119. (In Russian).] <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-1-104-119>
- Григорьев Л. М., Григорьева Н. Л. (2021). США: экономика и социальная структура перед сменой эпох // Вопросы экономики. № 1. С. 98–119. [Grigoryev L. M., Grigoryeva N. L. (2021). U.S. economy and social structure before the change of eras. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 98–119. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-1-98-119>
- Григорьев Л. М., Жаронкина Д. В. (2024). Экономика Китая: тридцать лет обгоняющего развития // Вестник международных организаций. Т. 19, № 1. С. 176–200. [Grigoryev L. M., Zharonkina D. V. (2024). China's economy: Thirty years of accelerated development. *International Organisations Research Journal*, Vol. 19, No. 1, pp. 176–200.] <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-08>

- Григорьев Л. М., Курдин А. А., Макаров И. А. (ред.) (2022). Мировая экономика в эпоху турбулентности. М.: Инфра-М. [Grigoryev L. M., Kurdin A. A., Makarov I. A. (eds.) (2022). *The world economy in an era of turbulence*. Moscow: Infra-M. (In Russian).]
- Григорьев Л. М., Ляхова С. В. (2025). Разгадка торможения Евросоюза // Россия в глобальной политике. Т. 23, № 3. С. 83–104. [Grigoryev L. M., Lyakhova S. V. (2025). Unraveling the European Union's slowdown. *Russia in Global Affairs*, Vol. 23, No. 3, pp. 83–104. (In Russian).] <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2025-23-3-83-104>
- Есаян М. (2024). Общенациональные и региональные тенденции климатической политики США // Современная мировая экономика. Т. 2, № 3. С. 111–129. [Yesayan M. (2024). US emissions and climate policy: National and state trends. *Contemporary World Economy*, Vol. 2, No. 3, pp. 108–127.] <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-111-129>
- Жаронкина Д. В. (2025). Емкость мирового рынка и экспорт Китая в 21 веке // Вестник международных организаций. Т. 20, № 4, (в печати). [Zharonkina D. V. (2025). The world market capacity and China's exports in the 21st century. *International Organisations Research Journal*, Vol. 20, No. 4, (forthcoming)].
- Иванова Н. И. (2002). Национальные инновационные системы. М.: Наука. [Ivanova N. I. (2002). *National innovation systems*. Moscow: Nauka. (In Russian).]
- Клинова М. В., Кондратьев М. Б. (2025). Европейский союз в мировой торговой войне Дональда Трампа // Вопросы экономики. № 6. С. 5–21. [Klinova M. V., Kondratyev M. B. (2025). European Union in Donald Trump's global trade war. *Voprosy Ekonomiki*, No. 6, pp. 5–21. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2025-6-5-21>
- Меджидова Д. (2024). Международная инвестиционная позиция США в XXI в. // Современная мировая экономика. Т. 2, № 3. С. 43–65. [Medzhidova D. (2024). The international investment position of the United States in the twenty-first century. *Contemporary World Economy*, Vol. 2, No. 3, pp. 42–63.] <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-43-65>
- Петровская Н. Е. (2024). Трансформация этнической структуры электората США // Современная мировая экономика. Т. 2, № 3. С. 66–93. [Petrovskaya N. E. (2024). Transformation of the ethnic structure of the US electorate. *Contemporary World Economy*, Vol. 2, No. 3, pp. 64–90.] <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-66-93>
- Хейфец Е. А. (2024). Направления развития топливно-энергетического комплекса США // Современная мировая экономика. Т. 2, № 3. С. 94–110. [Kheifets E. A. (2024). Trends in the development of the US energy sector. *Contemporary World Economy*, Vol. 2, No. 3, pp. 91–107.] <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-3-94-110>
- Bloodworth J. (2024). Why liberals keep losing. They ignore America's real majority. *UnHerd*, December 28. <https://unherd.com/2024/12/why-liberals-keep-losing/>
- Bunn D., Muresianu A., McBride W. (2025). The good, the bad, and the ugly in the One Big Beautiful Bill Act. *Tax Foundation*, July 9. <https://taxfoundation.org/blog/one-big-beautiful-bill-pros-cons/>
- Dalio R. (2025). Don't make the mistake of thinking that what's now happening is due to Trump tariffs. *Yahoo Finance*, April 10. <https://finance.yahoo.com/news/ray-dalio-says-dont-mistake-013024578.html>
- Dlouhy J. A. (2025). US ordered to exit Paris Climate Pact in Trump day-one moves. *Bloomberg*, January 21. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-01-21/eu-politicians-condemn-trump-s-move-to-pull-out-of-climate-pact>
- Draghi M. (2024). *The future of European competitiveness: A report*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
- ERP (2025). *Economic report of the President*. Washington, D.C.
- Flatley D. (2025). CBO slashes US budget tariff-savings estimate by \$1 trillion. *Bloomberg*, November 21. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-11-20/cbo-slashes-us-budget-tariff-savings-estimate-by-1-trillion>
- Furman J. (2025). The post-neoliberal delusion. And the tragedy of Bidenomics. *Foreign Affairs*, Vol. 104, No. 2, pp. 133–147.

- Higley J., Burton M. (2006). *Elite foundations of liberal democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- IMF (2025). *World economic outlook: Global economy in flux, prospects remain dim*. Washington, DC: International Monetary Fund, October.
- Langbert M. (2018). Homogenous: The political affiliations of elite liberal arts college faculty. *Academic Questions*, Vol. 31, No. 2, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1007/s12129-018-9700-x>
- Michael A. (2025). Senate Big Beautiful Bill: More growth, more subsidies, more debt. *CATO Institute Blog*, June 30. <https://www.cato.org/blog/senate-big-beautiful-bill-more-growth-more-subsidies-more-debt>
- Stiglitz J. (2025). America is becoming the world's largest tax haven. *Project Syndicate*, April 21. <https://www.project-syndicate.org/commentary/america-becoming-largest-tax-haven-under-trump-by-joseph-e-stiglitz-2025-04>
- The Economist (2025). The big beautiful bill reveals the hollowness of Trumponomics. *The Economist*, July 2. <https://www.economist.com/briefing/2025/07/02/the-big-beautiful-bill-reveals-the-hollowness-of-trumponomics>
-

President Donald Trump 2025: Breaking all dogmas

Leonid M. Grigoryev

Author affiliation: HSE University (Moscow, Russia).

Email: lgrigor1@yandex.ru

The return to power of Donald Trump, a major businessman unencumbered by academic dogma, was based on slogans resonating with traditional America, economic and political superiority. The previous liberal-progressive dogma of Joe Biden's day did not withstand a direct confrontation with the energy of Trump and his opponents in a two-party system. The broad coverage of trading partners by increased import duties puts the US in a situation of a large and complex experiment with breaking the usual parameters (and dogmas) on issues of competition and impact on consumer welfare in the country. The new old president is keeping several important industrial policy laws in place and continuing his policy of low business taxes and reduced spending on climate programs (which is basically a dogma). At the same time, he is making a dramatic and risky attempt to influence macroeconomic parameters (budget deficit) and trade and economic parameters (reducing the trade deficit, increasing the inflow of direct investment), shifting taxation from income to consumption, and increasing trade tariffs. By the end of 2025, the temporary equilibrium had been reached in the tariff arena in relations with the European Union, while conflict delayed and difficult negotiations continued with China. The key instrument of long-term domestic economic policy — OBBB — was approved by the country's Congress. It is this act that will determine the main parameters for breaking the old model of development and the legacy of Donald Trump. The drama of the Republican president's steps is partly defined by the need to compress the period of radical shifts with the transition to the 2026 and 2028 election campaigns.

Keywords: Tramp, inequality, industrial policy, trade tariffs.

JEL: D72, E29, E61, E62, F02, F13, F32, H69, Z13.